

УДК 94 (47)

В.М. Чернов о методологическом значении философско-социологических построений Н.К. Михайловского

О.В. Коновалова

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный 82, Красноярск, Россия
 Сибирский юридический институт МВД России, ул. Рокоссовского 20, Красноярск, Россия
 olgav--k@yandex.ru

Статья поступила 6.06.2017, принята 14.07.2017

В статье раскрываются взгляды идеолога и теоретика неонародничества Виктора Михайловича Чернова по поводу философско-социологических построений одного из основоположников субъективной школы русской социологии — Николая Константиновича Михайловского. Обращается внимание на систематизацию Черновым взглядов Н.К. Михайловского и основных достижений субъективной школы русской социологии, одной из первых поставившей вопрос о значении изучения субъективных элементов в процессе исторического познания.

Ключевые слова: В.М. Чернов; Н.К. Михайловский; идеология неонародничества; субъективная школа русской социологии; методология исторических исследований.

V.M. Chernov on the methodological significance of philosophical and sociological constructions of N.K. Mikhailovsky

O.V. Konovalova

Siberian Federal University; 82, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia
 Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 20, Rokossovsky St., Krasnoyarsk, Russia
 olgav--k@yandex.ru

Received 6.06.2017, accepted 14.07.2017

The article reveals the views of Nikolai Mikhailovich Chernov, an ideologist and theoretician of non-charityism, on the philosophical and sociological constructions of Nikolai Konstantinovich Mikhailovsky, one of the founders of the subjective school of Russian sociology. Attention is drawn to Chernov's systematization of N.K. Mikhailovsky's views and the main achievements of the Russian subjective school of sociology, one of the first to raise the question of the importance of studying subjective elements in the process of historical knowledge.

Key words: V.M. Chernov; N.K. Mikhailovsky; ideology of neopopulism; the Russian subjective school of sociology; methodology of historical research.

Творчество как Михайловского, так и Чернова весьма многогранно. На протяжении своей многолетней творческой жизни идеолог и теоретик неонародничества неоднократно обращался к наследию Николая Константиновича Михайловского. По признанию Чернова, «Михайловский и Лавров — с одной стороны, Маркс — с дру-

гой, в равной мере являются великими учителями социалистической мысли» [1]. Рассмотрение ключевых положений Виктора Михайловича о значении философско-социологических построений Михайловского для развития методологии общественных наук важно не только в плане осмысления идейных истоков воззрения са-

мого Чернова, сыгравшего значимую роль в разработке идеологии нового народничества, но также позволяет более полно определить вклад Михайловского в сокровищницу мировой общественной мысли.

Анализу и оценке философско-социологических взглядов учителя посвящен ряд работ Чернова. Так, в журнале «Русское богатство» в 1901 г. вышла серия его статей «Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки», позже опубликованная в сборнике работ Чернова «Философские и социологические этюды» (1907), который открывался его статьей «Философские основы учения Н.К. Михайловского». Статья «Монистическая точка зрения в психологии и социологии» издавалась отдельной брошюрой (1906) и также вошла в вышеуказанный сборник. В 2010 г. часть упомянутых статей была переиздана в сборнике работ Чернова под общим названием «Избранное».

Период конца XIX — начала XX вв. в развитии философской и социологической мысли ознаменовался кризисом старых эволюционистских концепций позитивистского направления и усилением разнообразных оттенков «социологического идеализма». В методологическом контексте поднимался вопрос об объективной познаваемости исторического процесса, не потерявший актуальность на протяжении всего XX — начала XXI столетий. Пытаясь определить пути выхода из кризиса в направлении синтеза материалистической традиции и новейших течений идеалистической школы, Чернов стремился дистанцироваться от философских ортодоксий, взяв ценное зерно из социологических построений неокантианства, русской субъективной школы, эмпириокритицизма и марксизма [2]. В этой связи особое внимание он уделил теоретическим концепциям основоположников субъективного метода. Рассматривая философско-социологические построения Михайловского, Чернов неоднократно подчеркивал, что хотя Николай Константинович «никогда не был "философом" по специальности», все же в философском отношении он «не только шел

в уровень с веком, но и заглядывал дальше его» [3, с. 27].

К. Маркса и Н. Михайловского как общественных мыслителей, считал Чернов, сблизала идея практической целесообразности философских построений. Философия не может ограничиваться только установлением научной истины, но должна служить руководством к активной деятельности по преобразованию мира. Михайловский пытался создать такое учение, которое связывало бы «существующие в данное время понятия о мире с правилами личной жизни и общественной деятельности», нравственными устоями. В слиянии реального и идеального, объективного и субъективного, теоретического и практического моментов заключается суть философско-социологической доктрины Михайловского, подчеркивал Чернов [3, с. 5, 6].

Он считал заслугой Николая Константиновича стремление преодолеть существующую двойственность между областью сущего и должного, между представлениями об истине и справедливости; попытку «свести их к одному общему корню и тем самым подорвать дуализм теории и практики в самом его источнике». В этом плане удивительной находкой Михайловского Чернов считал обращение к русскому слову «правда». В работе «Философские основы учения Н.К. Михайловского» он приводил такую цитату из работ учителя: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово "правда" — я не могу не восхищаться его поразительной внутреннею красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истину и справедливость называют одним и тем же словом, [они] как бы сливаются в одно великое целое». В огромном смысле слова «правда», подчеркивал Чернов, есть единство «правды-истины» и «правды-справедливости», «правды теоретического неба» и «правды практической земли», «правды объективной» и «правды субъективной» [3, с. 7].

В этом поиске целостности и единства объективного и субъективного Михайловский подошел к тому, что получит более

позднее теоретическое обоснование в трудах европейских философов Э. Маха, Р. Авенариуса, Г. Зиммеля, А. Рилья, доказывал Чернов. «Михайловский, не думавший никогда ни о специальной разработке философских проблем, ни о создании новой философской школы или чего-нибудь подобного, однако, предвосхитил правильную точку зрения, до которой лишь впоследствии доработалась западноевропейская философская мысль» [3, с. 25].

Исходной установкой мировоззрения Михайловского, подчеркивал Чернов, являлось признание «мерилом истины» самого человека как целостного существа, не только мыслящего, но и чувствующего, стремящегося к определенным целям, действующего. «Не трудно видеть, что красота, польза, справедливость в отдельности представляют такие же частные случаи равновесия между субъектом и объектом, между человеком и природой и другими людьми, как и истина», — писал Михайловский. С этой позиции, продолжал Чернов, «служение человеку — это служение не в грязно-жизетском, низменно-практическом смысле, но в гораздо более широком гуманитарном смысле, вот призвание науки и философии; и степень исполнения ими этого призвания есть мерило их научности» [3, с. 28, 29].

Идеолог неонародничества подчеркивал, что критики субъективной школы русской социологии недооценивали значение предложенной ею методологии. «Малое знание и понимание» системы Михайловского в свое время обусловлено также тем, что сам Николай Константинович не обработал и не систематизировал свои философско-социологические воззрения в одном связном и законченном очерке. В этом Чернов видел также «определенную недоработку его приверженцев и почитателей». Поэтому он взял на себя задачу систематизировать взгляды Михайловского и представить общественности основные достижения и наработки субъективной школы русской социологии [4, с. 56].

Признание нерасторжимого единства субъективного и объективного составляет суть «субъективного метода». Его основате-

ли доказывали, что не существует абсолютной «внечеловеческой» истины, есть истина для человека. «Истинных представлений о мире... существует столько же, сколько различных типов психофизических организаций», — писал Чернов в статье «Философские основы учения Н.К. Михайловского» [3, с. 14]. Свойства окружающей среды не являются каким-то абсолютно объективным внутренним свойством, данным от природы независимо от восприятия человека. Наши представления о внешнем мире являются отражением субъективного рода. Можно отличать лишь различные ступени субъективного, полагал он. «Причем каждая предыдущая, низшая ступень субъективного будет объективной по отношению к высшей ступени и субъективной по отношению к низшей» [3, с. 154–156]. Таким образом, разница между понятиями «объективное» и «субъективное» носит относительно-диалектический характер.

Михайловский подчеркивал, что отношение человека к социальному бытию неизбежно окрашено его субъективным восприятием. Однако выдвинутые таким образом идеи оставались в ранге научной гипотезы, не были подкреплены данными других наук. Ситуация в начале XX в. изменилась. В результате новейших достижений в области психологии появилась возможность обосновать правоту выдвинутых народниками научных утверждений. Прежде всего, это учение об апперцепции, согласно которому всякому новому впечатлению находится место в ряду предыдущих, в ранее накопленном опыте, устанавливается связь между новым и старым. В статье «Субъективный метод в социологии» Чернов приводил рассуждения Михайловского: «Перцепция, или непосредственное восприятие, полученное в данную минуту, осложняется апперцепцией, или теми впечатлениями, которые получены наблюдателем раньше... Совокупность этих предыдущих данного опыта, сгруппированных тем или другим образом, составляет предвзятое мнение». В свою очередь, комментировал Чернов, апперципирующая группа представлений и вытекающее из них

«предвзятое мнение» оказывают сильнейшее влияние на то или иное направление внимания исследователя. Само «предвзятое мнение» состоит отнюдь не только из «элементов чистой мысли, но осложняется еще примесью аффективных и волевых элементов», поскольку человек есть целостное существо [4, с. 69, 70].

Субъективное предвзятое мнение, подчеркивал Чернов, характерно для любого исследования в разных отраслях знаний. Влияние субъективного элемента, привносимого человеком, возрастает при переходе от естественных наук к гуманитарным. Специфическую особенность социологических исследований сравнительно с естественнонаучными Чернов усматривал в том, что в них возникает необходимость дополнять объективно констатируемые данные «своеобразными комбинациями, конструкциями из материалов внутреннего, субъективно-психологического мира» [3, с. 199]. Сам Михайловский, характеризуя специфику общественно-исторического исследования, отмечал: «мыслящий субъект только в таком случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом и ни на минуту не разлучится с ним, т. е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перечувствует его чувство, переживает его страдание, проплачет его слезами». Риккерт, констатировал Чернов, связывал такую возможность с интуитивными способностями историка, Зиммель — с естественными, присущими душе историка силой и категорией. Результаты исследования в этом аспекте будут связаны с тем, «насколько широкой или ограниченной натурой является историк» [4, с. 102].

Вторым субъективным элементом, вольно или невольно оказывающим серьезное влияние на ход научного исследования, подчеркивал Чернов, Михайловский считал «оценку» того или иного общественно-исторического факта. Мало в этом случае выяснить, как сами действующие лица того или иного исторического события понимали свои действия. Задача исследователя — дать оценку, насколько верно они определяли

свои собственные потребности и интересы, способы их реализации или насколько ошибались. «В основе такой оценки должны лежать определенные воззрения на природу человеческих потребностей и на их отношение к различным объективным благам, иными словами, на способы и средства нормального удовлетворения этих потребностей и достижения состояния равновесия». В основе субъективной оценки исследования социальных явлений, подчеркивал Чернов, лежит идеал. Идеал — это «верховный критерий всех человеческих оценок», «высшее единство всех активных тенденций и потребностей человеческого духа», «система ценностей, расположенных по их связи и достоинству» [3, с. 225]. Он служит точкой отсчета для классификации социальных явлений и процессов на прогрессивные и регрессивные.

Основатели субъективного метода пришли к выводу о том, что «прогресс есть понятие субъективное». «Один и тот же процесс, — продолжал размышления Виктор Михайлович в черновых набросках своей первой неопубликованной работы «Философские изъясны доктрины экономического материализма», — может быть назван прогрессом с одной точки зрения и регрессом с другой» [5]. Объективного критерия для оценки события нет. В основе оценки действительности лежит идеал исследователя, т. е. его субъективные установки.

Итак, человек в процессе познавательной деятельности привносит в сам процесс познания определенные субъективные элементы. К таким элементам Михайловский и Чернов относили «предвзятое мнение», оценку и идеал. Их присутствие в акте познания обусловлено участием человека как целостного социального существа с присутствующими ему чувствами, мыслями и стремлениями. Для того чтобы более объективно подойти к анализу общественных явлений, Чернов вслед за Михайловским призывал не игнорировать субъективные элементы, а изучать, исследовать их. «Научный путь лежит на поверхности субъективных элементов, и не мимо них, а через них», — писал

он. Только учитывая своеобразный коэффициент преломления действительности в человеческом познании исследователь может приблизиться к истине, «подняв неизбежный человеческий субъективизм до степени научно-регулируемого приема мышления, до степени... субъективно-телеологического метода мышления» [3, с. 236, 239].

«Субъективное отношение к истории неизбежно. Всякий выбирает в качестве существенных те факты, которые имеют наиболее крупное значение для осуществления того, что ему дорого, и в рядах этих фактов он на основании того же критерия различает положительное от отрицательного, благо от зла, прогресс от регресса. Разница состоит лишь в том, что одни отдают себе в этом отчет, другие же — нет, одни делают это сознательно, другие бессознательно», — комментировал Чернов высказывания Михайловского [4, с. 148].

В этом ключе, продолжал Виктор Михайлович, Михайловский различал «способы проявления незаконного субъективизма» и «способы проявления субъективизма неизбежного и законного». Одно дело, когда для исследователей «неясен весь процесс их собственных исследований», и они не замечают скрытые в нем субъективные элементы, которые, однако, все равно влияют на процесс исследования. Другое дело, когда «некоторые моменты процесса ими по недобросовестности мысли просто скрываются» или существуют некие тайные мотивы и желания для проведения исследования, которые автор старается не афишировать, но они, однако, все равно «оставили след на его работе». В этом случае, «раз принцип выбора и оценки фактов неясен... в метод исследования врывается изрядная доза неопределенности и произвольности». Далее, когда исследователь сознательно игнорирует наличие у него собственной субъективной позиции, тогда «не сам человек владеет своими симпатиями и антипатиями, а они суть стихийные силы, над ним влаждующие». «Не осмыслив критически, не сформулировав научно своего субъективного отношения к действительности, — подчеркивал Чернов, — нельзя воз-

выситься над случайными внешними влияниями». Такая претензия на объективность «может привести только к сбивчивости именно потому, что полная объективность недостижима». К проявлению незаконного субъективизма можно отнести также стремление заменить своей личной позицией недостаток сведений, с одной стороны, и пристрастное отношение к объекту исследования, с другой [4, с. 148–154].

В противоположность «способам незаконного субъективизма» родоначальники субъективной школы предложили научную методику «законного использования» субъективных элементов в научном исследовании. Это, во-первых, резюмирует Чернов, «пользование элементами, из которых состоит собственный внутренний, субъективный мир исследователя, для конструирования из них, на основании сходств и различий в объективных проявлениях, субъективного мира психологии других людей». Во-вторых, «рациональное построение идеала нормального общежития». В третьих, «пользование этим идеалом как критерием для а) классификации социальных явлений по степени их важности или значительности и б) оценки явлений и разделения их на прогрессивные и регрессивные, нормальные и патологические, здоровые или болезненные» [4, с. 154].

«Современная философская мысль Запада все чаще и чаще приходит к пониманию неизбежности субъективизма в общественно-исторических науках, необходимости его регулирования, превращения его из случайного, беспорядочного приема в научно-методический», — совершенно справедливо подчеркивал Чернов [4, с. 107]. К этому можно только добавить, что те достижения в области исторического исследования, за которые отдают должное школе «Анналов» в лице прежде всего Марка Блока и Люсьена Февра, мы находим гораздо раньше в теоретических изысканиях основоположников субъективного метода русской социологии, в том числе в работах Михайловского. Это, прежде всего, «новый подход» к изучению повествовательных исторических источников, при котором для понима-

ния самого источника становится важным изучение мировоззрения автора текста. Заявление Марка Блока о том, что «всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении. Всегда вначале — пытливый дух» и высказывание Люсьена Февра: «А ведь без предварительной, заранее разработанной теории невозможна никакая научная работа» [6; 7] вполне созвучны концепции Михайловского о влиянии «предвзятого мнения», оценки и идеала на характер проводимых исследований.

Чернов принял активное участие в развернувшейся на рубеже веков полемике между марксистами и народниками по проблемам движущих сил исторического развития [8]. В статьях «Монистическая точка зрения в психологии и социологии», «Динамическая социология перед судом марксизма», «Идеализм в марксизме», опубликованных в 1905–1906 гг., он обосновывал идею о несостоятельности одностороннего подхода, типичного как для идеалистов, так и для материалистов. В их концепциях исторический процесс представлялся либо как результат развития общественного производства, либо как исключительное проявление личной воли субъекта. Ограниченность такого взгляда, по мнению Чернова, заключалась в механическом разделении органической целостности исторического процесса на его составляющие. Это ведет к упрощению и даже искажению сложной картины исторической реальности. Вместе с тем такое разделение имеет и свою позитивную сторону, признавал он, так как способствует детальному изучению разных сторон исторического процесса. Так, например, экономический материализм, к которому Чернов относил марксизм, «оставаясь плоской социальной философией», принес немало пользы, позволив «путем точного анализа исторических данных осветить экономическую сторону каждого исторического периода, понять, так сказать, экономическую подошву всякого социального явления» [3, с. 375].

Очевидность несостоятельности односторонних подходов привела к появлению пози-

тивистской теории «взаимодействия факторов», в которой признавались относительная самостоятельность и равноправность правового, экономического, политического и культурного факторов. Однако Чернов считал ее эклектичной. Оптимальный подход он видел в признании единства и целостности исторического процесса, при котором дифференциация экономической, политической, культурной, идеологической сферы возможна лишь как научная абстракция.

По мнению Чернова, не следует искать в историческом процессе первичный источник движения. Речь можно вести лишь о взаимообусловленности различных факторов. Только вся совокупность исторических условий в определенной комбинации превращает историческую возможность в необходимость. Основы такого подхода, подчеркивал Чернов, мы встречаем уже в работе Михайловского «Что такое прогресс?», опубликованной в журнале «Отечественные записки» в 1869 г. В ней Николай Константинович писал: «если мы ухватимся за один какой-нибудь социальный элемент... и по движению этой части будем судить о развитии целого, то вся история естественно окрасится для нас односторонним и ложным цветом». Поэтому «мы ищем не истории войны, торговли, экономических отношений, верований, нравственных, эстетических идеалов и т. п. Мы ищем законов, управляющих единовременным движением всех этих элементов» [4, с. 204]. Как видим, эти идеи вполне созвучны высказываниям основоположников школы «Анналов» о том, что для всестороннего понимания и изучения исторического процесса историкам нужно быть и географами, и социологами, и психологами [9]. Идеи Михайловского намного опередили свое время.

Таким образом, субъективная школа русской социологии, доказывал Чернов, практически еще до методологического кризиса, постигшего общественные науки на рубеже XIX–XX вв., нащупала новые ориентиры обществоведческого знания. В их основе находится представление о человеке, как о целостном существе, в мировоззрении и творче-

стве которого тесным образом переплетаются знания из разных сфер общественной жизни, цели, идеалы, оценки, эмоционально-чувственный и волевой компоненты, нравственные установки. Признание этой истины ставит новые задачи в процесс изучения исторических источников. Ведь для того, чтобы почерпнуть из источника более объективную информацию, считал Михайловский, необходимо учитывать и изучать проявляемые в нем субъективные элементы. Научный путь лежит не мимо них, а через них. Научная мысль Западной Европы в XX в. стала развиваться именно в этом направлении, подчеркивал Чернов. Более того, соглашаясь с Виктором Михайловичем, можно констатировать, что предлагаемый в свое время русскими социологами подход в исторической науке получил позже отражение в работах исследователей французской школы «Анналов». В этом плане историческая справедливость призывает отдать должное Михайловскому и другим представителям субъективной школы русской социологии, одними из первых поставившим вопрос о значении субъективных элементов в процессе познания и призывавшим к разработке научных методов их изучения.

Литература

1. Протоколы первой общепартийной конференции. Лондон, 1908. С. 140.
2. Коновалова О.В. Политические идеалы В.М. Чернова: взгляд через годы: моногр. Красноярск, 2005. С. 34-38.
3. Чернов В.М. Философские и социологические этюды. М., 1907. 380 с.
4. Чернов В.М. Субъективный метод в социологии. М., 2010. 720 с.
5. Чернов В.М. Философские изъясны доктрины экономического материализма // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 64. Л. 263.
6. Блок М. Апология истории [Электронный ресурс] // Origin: библиотека Якова Кротова. URL. http://lib.ru/FILOSOF/BLOK_M/apologia.txt (дата обращения: 20.05.2017).
7. Февр Люсьен. Историзирующая история. О чуждой для нас форме истории // ARZAMAS: История, литературы, искусства в лекциях... URL. <http://arzamas.academy/materials/979> (дата обращения: 20.05.2017).
8. Коновалова О.В. Идеология неонародничества (по работам В.М. Чернова) // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2016. Вып. 16. С. 225-226.
9. Гуревич А. Марк Блок и «Апология истории» [Электронный ресурс] // Всемирная история: сайт. URL. <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000028/st013> (дата обращения: 20.05.2017).